

УДК 94(6)+ 398.21:59

Статья посвящена представлениям о животных в мифах и сказках народов Восточной Африки. Животные являются одними из главных героев мифов, а сказка о животных получила наибольшее развитие и распространение среди других фольклорных жанров Африки. Животная сказка повествует о приключениях и проделках героя – трикстера, который, благодаря своей хитрости и ловкости, выходит победителем из самых различных положений. Африканцы обожествляли животных, приписывали им волшебные свойства, связывали свое происхождение с каким-нибудь предком – животным.

Ключевые слова: Восточная Африка; африканская мифология; животные; фольклор; сказки; трикстер.

The article is devoted to the representations of animals in the myths and tales of the peoples of East Africa. Animals are one of the main characters of myths and African fairy-tales about animals are most distinguished and disseminated between other folklore genres in Africa. Animal tale is about the various adventures of the hero - the trickster, who thanks to his cunning and agility emerges victorious from a variety of positions. Africans also tended to deified animals, to attribute miraculous properties to them. They often considered to be descended from an animal – ancestor.

Keywords: East Africa; African mythology; animals; folklore; tales; trickster.

Е. В. Спиридонова

E-mail: selenavlad@gmail.com

А. В. Мильто

E-mail: amilto@mail.ru

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**«Каждая птица кричит по-своему»
(животный мир в восточноафриканском фольклоре)***

Научная статья

E. V. Spiridonova

A. V. Milto

P. G. Demidov Yaroslavl State University

**«Every Bird Cries in One's Own Way»
(On the Animal World in the East African folklore)**

Scientific article

Мифы, легенды и сказки о животных составляют значительную часть мирового фольклора. Источниками животного эпоса были промысловые культы, тотемизм, аниматические представления, очеловечивающие окружающую людей действительность. Африканская сказка о животных предстает как универсальный жанр, достигший высокого развития у разных народов; она может быть названа классической

формой жанра в системе мирового фольклора. Восточная Африка – территория к востоку от Нила – не является исключением. Здесь проживают более 200 народностей, принадлежащих к четырем языковым группам. В их числе бантуязычные народы (кикуйю, акамба, джагга, сукума, хехе), представители капоидной расы {дахало, сандаве, и хадза, а также пигмеи (тва)} и другие.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

© Спиридонова Е. В., 2017

© Мильто А. В., 2017

Африканцы издавна обожествляли зверей, приписывали им сверхъестественные свойства, считали своими создателями или прародителями. Они возводили животных в ранг космических существ, образующих собой мироздание и занимающих в его системе одно из ключевых мест.

Герои мифов – не только реальные животные, пусть и наделенные человеческими свойствами, но и фантастические существа, олицетворяющие явления природы. Например, в мифологии нанди (Кения) действует гигантская птица-гром, которая летает, держа в когтях копье со сверкающим наконечником-молнией [1, р. 17]. У занде (ДРК, Судан, ЦАР) гром – гигантский небесный пес [2, р. 36]. Каква (Судан, Уганда, ДРК) убеждены, что у грома – тело теленка, а морда и зубы льва [1, р. 176]. Масаи (Кения, Танзания) приписывают землетрясения движениям коровы, держащей землю [3, р. 171].

Радугу чаще всего олицетворяет змея. Занде верят, что радуга – болотный змей, во время дождя выбирающийся купаться [4, р. 35]; у пигмеев канго (экваториальная Африка) радужный змей олицетворяет создателя Мунгу, а грозовая молния – его хвост [5, р. 116]. Согласно мифам кикуйю (Кения), радуга – это отражение гигантской радужной змеи, которая по ночам выползает на сушу и пожирает животных, а подчас и людей [6, с. 461]. Банда (ЦАР, ДРК) считают, что радуга живет в источниках, дуплах деревьев, термитниках, откуда забирается к небу, а потревожившего ее высасывает как моллюска [7, р. 685].

Небесные светила нередко имеют зоологическую символику. В ряде мифов и обрядов обнаруживается скрытая связь между луной и леопардом. Африканцы отмечали их внешнее сходство: темные пятна на желтой шкуре леопарда напоминали пятна на луне [6, с. 461]. Символом ночи и смерти в африканской мифологии служила сова. Ее образ был связан с колдовством и олицетворял потустороннее пространство. У лунда (Ангола, Замбия) совы играли роль посредника между миром мертвых и живых [6, с. 461].

Наиболее часто в африканских сказках встречаются животные-трикстеры, плуты и обманщики, которые, благодаря хитрости и ловкости, выходят победителями из трудных положений. Почти все проделки трикстера сводятся к добычливости. Сказки о них, как правило, являются составной частью цикла и не имеют ни зачинов,

ни концовок: каждая предстает как один из эпизодов «сериала». Любопытно, что для африканской сказки не свойственна мораль. Шутки трикстера не безобидны и нередко приводят к гибели жертвы. И если общий характер персонажей очерчен достаточно ясно, конкретные носители тех или иных атрибутов в фольклоре разных африканских народов могут быть различными. Так, животный персонаж, выступающий как трикстер у одного народа, становится его партнером-жертвой в фольклоре другого этноса.

Чаще всего в качестве трикстера у народов Восточной Африки выступают заяц (кролик) и лис. Жертвами, как правило, становятся животные куда большего размера, силы и явной важности: лев, слон, гиппопотам, носорог, леопард и гиена. Например, в сказках меэн (Эфиопия) есть сюжет о том, как кролик напугал льва, сказав, что своими длинными рогами (ушами) он может уничтожить все львиное племя [8, р. 415]. Похожая сказка есть у нубийцев (Судан). В ней заяц пугал «рогами»-ушами дикобраза [9, р. 70]. А вот у осла подобная шутка не проходит: в сказках сахо (Эфиопия, Эритрея) и билин (Эфиопия) он пытался напугать гиену и льва своими «рогами» (ушами), но, будучи разоблачен, поплатился жизнью [10, р. 199]. У нгинду (Танзания) заяц обманывает всех зверей и один пьет воду из колодца [11, с. 196–200]. Заяц так хитер, что может обмануть даже признанных хитрецов – лису и гиену. Иногда он сам выступает как хищник. Например, в сказках нзакара (ЦАР, Камерун, Габон, Судан) он съел детенышей гиены [12, р. 202–203].

Лис, как и заяц, нередко выступает в восточноафриканских сказках в качестве трикстера, но его плутовство более изощренное. Например, в сказке билин лис, увидев, как павианы погребают свою мать, предложил похоронить ее на небе. Обезьяны залезли друг на друга, упали, разбились, а лис наполнил их мозгами сосуд, сверху смазал его медом и обменял «небесный лисий мед» на быка и корову. Затем лис стал жить со львом, которому отдал быка. Когда корова, принадлежащая лису, отелилась, лев съел теленка, а послед засунул в зад быку, сказав, что родил бык. Потом лев задрал и корову, но лис поднял мясо на дерево, а в ответ на просьбу сбросить вниз кусочек завернул в мясо раскаленный камень, проглотив который, лев погиб [10, р. 202–208]. Похожий сюжет есть у тигре (Эритрея, Судан).

Лев, также засунув плаценту в зад быка, пытался убедить гиену в том, что теленка родил его бык, а не корова гиены. Лис пообещал помочь и попросил у льва молока, говоря, что если бык может родить, то и льва можно подоить. В итоге пристыженный лев вернул теленка гиене [13, р. 9–10].

Шакал также является героем-трикстером. В ряде случаев ему отведены те же роли, что лису и зайцу. Жертвы шакала – обычно лев и гиена. Например, в сказке у сомалийцев шакал обманывает слепую гиену, нанявшись пасти ее овец и съев их. Он втыкает хвосты овец в землю и убеждает родственников гиены, что все стадо поглотила земля [14, с. 30–31].

Лисой, зайцем и шакалом набор сказочных трикстеров не ограничивается. В подобной роли несколько реже могут выступать собака и маргышка – у амхара, ласка – у канури, белка – у тупури и т. д. У тсамако (Эфиопия) в этой роли выступает даже крот: лев оказывается братом его матери и, когда он умирает, на бедного крота сваливается обязанность похорон. Он приманивает гиену к логову, привязывает ее хвост к хвосту льва и кричит, что лев проснулся, – гиена в ужасе убегает и уволакивает тушу [8, р. 382].

Нередко трикстер побеждает противника изнутри в буквальном смысле слова. Мотив поглощения в восточноафриканских сказках – частое явление. В сказках нзакара паук, будучи проглоченным противником, выбирается наружу, прорезая выход изнутри [12, с. 231–233]. У сахо муравей также разделяется со львом: будучи проглоченным, он съедает его сердце [10, р. 196–197].

Ряд сказок несет в себе явные этиологические элементы, объясняющие внешний вид или поведение животных. У ачоли (Уганда) черепаха, выпросив у птиц по перу и сделав себе крылья, пробралась на пир к сыну небесного царя и съела все угощение, а потом, спрыгнув с неба, разбила панцирь. Его удалось склеить, но швы видны до сих пор [15, с. 413–414].

У мурле (Судан, Эфиопия) крокодил и варан договорились друг друга раскрасить, но если крокодил постарался, то варану это занятие быстро наскучило. С тех пор крокодилы грязно-зеленые и не любят варанов [16, с. 313–314]. В сказке нанди раскрасить друг друга решили два львенка. Один рисовал красивые

пятна, а другой бросил в товарища горшок с краской. В итоге первый стал леопардом, а второй – гиеной [17, р. 104]. В сказке хадза (Танзания) говорится, что козел попросил дамана одолжить ему рога, потом один рог у него попыталась выпросить антилопа. Они подрались, расщепили рога, и с тех пор у козла и антилопы по два рога, а у дамана их нет [18, с. 104–109].

Народ динка (Судан) рассказывает, что корова упала с небес на землю и сломала когда-то острые передние зубы и теперь она может ими только жвачку жевать. А собака, увидев это, так смеялась, что рот у нее стал до ушей [16, с. 138]. У ланго (Судан, Уганда) и шиллук (Судан) есть объяснения внешности зайца: шершень, орел или голубь подняли его на небо, затем он, упав, сломал бедро и разбил губу – с тех пор заяц может только прыгать, а губа у него раздвоена [19, р. 104].

Немало сказок посвящено неудачным попыткам животных подражать друг другу (как правило, речь идет о сверхъестественных способностях). Например, нзакара рассказывают, что однажды паук увидел, как летучая мышь, идя собирать термитов, поджигает факелы своих жен, извергая огонь из зада. Паук велит своим женам не брать в следующий раз огонь, но не может извергнуть ничего, кроме испражнений [12, р. 196–200]. У джолу (Кения, Судан) паук пытается повторить действия слона, своего зятя, пряча гостей во время дождя в собственном заду или опуская ногу в кипящий котел, чтобы вытопить жир. Обидевшись, что у него ничего не получилось, он залезает внутрь слона и пронзает его копьем [16, р. 217–220]. Примечательно, что в подобных сказках глупыми неудачниками вполне могут оказаться хитрецы-трикстеры – персонажи других историй.

Классический тотемизм у народов Африки сохранился лишь в виде пережитков. Тем не менее тотемические элементы встречаются в мифах почти всех народов. Например, в качестве символа племенной группы выступает животное. Наиболее типичными являются гиппопотам, слон, крокодил, леопард, горилла, рыбы и змеи.

У племени камаламба, живущего к северо-востоку от озера Виктория, тотемом является питон. Всякий раз, когда играется свадьба, в честь питона устраивается празднество, а молодая жена убирает и украшает хижину с особой

тщательностью. Говорят, что рептилия всегда появляется и бросает во двор желтые ягоды, которые считаются особым сокровищем. Потом змея вползает в хижину, где на земле сидит жена, проползает по ее вытянутым ногам и, полакомившись молоком и другой приготовленной для нее пищей, выползает в дверь и исчезает в зарослях [20].

Происхождение человека часто связывают с каким-либо животным, которое может оказаться тотемным предком или героем, который привел людей в этот мир. Например, пигмеи (Габон, Цар, ДРК, Конго, Руанда) верят, что когда-то хамелеон услышал шум в стволе дерева, срубил дерево топором. Оттуда хлынула вода и наполнила водоемы, а вместе с водой вышли мужчины и женщина. От них и произошли люди [21, р. 45]. Пигмеи полагают, что животные тоже прежде были людьми. Каждый род пигмеев имеет свой тотем, с которым связывается его происхождение.

Шиллук говорят, что однажды из реки вышла корова Деан Адук и вынесла тыкву. Из нее вышли предок людей Коло и животные. Коло произвел на свет трех человек; один из них поймал в реке двух девушек. Низ тела у них был крокодилий. Отцы девушек возражали, но Коло на них женился. Одна из них (Ньякайо) родила сына Ньиканг. Он выловил первых людей с помощью удочки и гарпуна [22, с. 114–115]. В другом варианте первопредок Окуа взял себе в жены водную женщину, дочь Ке, сестру крокодила. Дак, сын Ньиканга, убил, зажарил и съел детей крокодила. С тех пор крокодилы убивают людей, заходящих в воду, а люди убивают крокодилов [23, р. 185–186].

У бака (этническая группа пигмеев) есть история о том, как девушка, отгонявшая птиц от проса, уснула на помосте, а огромный змей Гитси незаметно для нее сошелся с ней. Отец девушки подстерег змея и порубил на куски, а у девушки родился мальчик. От него произошел род гитси [8, р. 54–55].

Предкам многих царских династий приписывалось происхождение от священного животного. Чаще всего в этой роли выступал леопард. У конго, например, каждый раз, когда вождь посещал празднества, танцы или суд, выносилась леопардовая шкура как знак его достоинства. Сунди (Конго, ДРК, Ангола, Габон)

также считали леопарда символом царской власти. На его шкуре совершалась коронация [24, с. 385]. В настоящее время африканские лидеры носят шапочки или набрасывают на плечи накидку из леопардовой шкуры, подчеркивая, что чтут традиции.

Большинство африканцев, сохраняющих тотемические верования, считают, что их предок был животным, временно принявшим облик человека. А вот чага (Танзания) придерживаются другого мнения: их предок был человеком, превратившимся в животное. Шимпанзе из-за своей внешней схожести с людьми часто рассматривались африканцами как смесь человека и обезьяны. Некоторые мифы описывают происхождение шимпанзе от людей и наоборот. Кроме того, шимпанзе считались защитниками людей, и их убийство было недопустимым [24, с. 384].

Представление о первоначально существующем зооантропном виде, из которого впоследствии вышли люди и животные, свидетельствует о том, что на самых ранних этапах антропосоциогенеза люди не осознавали себя как самостоятельный биологический вид, генетически не связанный с животным миром. Это, видимо, один из онтологических метафизических корней тотемизма, проявления мифологического мышления. Однако со временем концепция претерпела изменения и тотемизм утратил свои позиции.

В Африке распространено представление о том, что мертвые возвращаются в мир живых в облике животных. В подземном мире духи ведут счастливую и мирную жизнь, скот их пасется на тучных пастбищах, и у них есть почти все, что можно пожелать, за исключением зерна. Поэтому они вынуждены время от времени выходить на землю, принимая облик животных, и красть зерно с полей [8, р. 184]. Наиболее часто духи выбирают облик змеи. В африканской мифологии змея часто олицетворяет мужское начало и водную стихию. Женским символом воды является лягушка или жаба. Некоторые народы Конго считают, что после смерти женщины превращаются в лягушек [6, с. 461]. Кроме змей и лягушек, души усопших могут перевоплощаться в богомолы, ящериц, львов, леопардов, гиен (обычно это умершие колдуны), дикобразов (из-за их необычного вида) и других [20].

Происхождение животных в восточноафриканской мифологии иногда связано с человеком.

Например, ари (убамер, Кот д'Ивуар) рассказывают, что обезьяны когда-то были людьми, работниками леопарда. По его приказу они должны были похоронить убитого кролика на небесах, встали один на плечи другого, не удержались, упали в лес и превратились в обезьян [8, р. 184].

У хадза более сложный вариант появления животных. Однажды человек Квадудата попросил сына забраться на баобаб за плодами и, рассердившись, что тот не собрал плоды с одной ветки, обрубил колышки, оставив его на дереве. Спустя три месяца юношу съели дети аиста, а узел с его костями сам аист отнес старику Мулилива. Тот раздробил кости, и из одной из них (плечевой) вышли коза и гиена, из другой – коза и леопард, из большого пальца руки – коза и лев, из безымянного – бык, из среднего – осел и зебра, из указательного – собака и кошка, из мизинца – собака и шакал; из большого пальца другой руки – два быка, из безымянного – коза и шакал, из среднего – две козы, из мизинца – коза и гиена, из одного колена – слон, из другого – носорог, из бедер – по быку, из берцовых – страус и буйвол, из большого и четвертого пальца ноги – большой и малый даманы, из третьего – куница, из второго – дикая кошка, из пятого – древесная крыса; на другой ноге из большого пальца – заяц и бородавочник, из четвертого – карликовая и горная антилопы, из третьего – чернопятая антилопа свая, из второго – павиан, из пятого – обезьяна; из восьми ребер – водяной козел, болотная антилопа, лала, дикая собака, антилопа нджа, бегемот, цесарка и пастушок, 4 вида степных куропаток, курица и пеликан, дикие голуби и птичка титиак, птичка холугуша; из мозга – травы. Из кишок змеи Мулилив построил загон для животных, а, когда настало утро, Ишосо-солнце велел животным разойтись [18, с. 23–28].

Встречаются и другие варианты происхождения животных. Сандаве (Танзания), например, верят, что демиург Матунда вскрыл дерево, откуда вышли гиена, овца, женщина с двумя детьми и мужчина [25, с. 137].

Интересно, что в подобных мифах нередко речь идет отдельно о диких и домашних животных и причинах такого разделения. Например, банда верят, что верховный бог Иворо дал Тере барабан, полный растений и животных. Его спустили с небес на веревке, но обрезали ее раньше,

чем Тере достиг земли. В итоге большинство растений и животных выпали, разбежались и стали дикими; а оставшиеся – культурными растениями и домашними животными [7, р. 679–680].

В мифологии масаев домашние животные попали на землю с небес: бог велел первому масаи сделать загон, утром прийти и посмотреть, что будет, но не нарушать тишину. Утром по ремню с неба стал спускаться скот, и все было бы хорошо, но доробо (любые охотники-собиратели – кушиты и нилоты) увидел и громко воскликнул от удивления. Бог поднял ремень назад, и скот перестал спускаться. В наказание масаи велел доробо стать охотником и его слугой [26, р. 30–31]. У хадза дикие животные первоначально были скотом женщин. Однажды они начали уходить чересчур далеко, и одна женщина велела ребенку вернуть их. Мать ребенка запретила ему уходить, пока он не доест мясо. Животные разошлись, одичали, а женщины лишились скота и стали жить при мужчинах [26, р. 32]. В данных преданиях речь идет не только о появлении животных, но и о социальном устройстве общества.

У дараса (Эфиопия) появление домашних животных не воспринимается как непереносимое благо. С их точки зрения, раньше все люди были добрыми; но когда из-под земли вышел скот, люди его поделили и перестали быть добрыми [27, с. 515].

В Восточной Африке, как и повсюду, широко распространены сюжеты, где человек вступает в брак с животным. В сказке сара (Чад, ЦАР) охотник увидел купающихся женщин и буйволиные шкуры на берегу. Он взял одну шкуру. Женщины вышли, облачились в свои одежды и превратились в буйволов, но одна осталась. Она стала женой охотника. Примечательно, что он пошел вместе с ней к ее родителям и просил сделать его буйволом [28, р. 69]. Похожая история в сказке нгамбае (Судан) заканчивается более печально. Там охотник спрятал шкуру купающейся девушки-слонихи в амбаре и сделал ее своей женой. В амбар он заходил только сам, но однажды забыл это сделать. Женщина послала в амбар старшего сына, который нашел шкуру. Когда муж ушел на охоту, жена накормила детей, сделала хобот из бревна, четыре ноги из ступок, убежала в лес и растоптала мужа [29, р. 29–35].

Общим для подобных историй является отрицательное отношение к животной супруге со стороны соплеменников героя. Такая супруга в архаическом варианте – «животное». Она чужая и нередко возвращается в свой мир. Как охотник, герой занимает маргинальное положение между миром «чужого» и «своего» и, нарушив соответствующие табу, должен понести суровое наказание: чаще всего соплеменники изгоняют его из деревни.

У джолуо (Кения, Судан) есть истории о красавице, которую другие девушки из зависти превратили в собаку, но ей нашелся муж. Когда дома никого не было, девушка снимала собачью шкуру и занималась домашними делами [30, р. 52–66]. Есть в восточноафриканской мифологии и истории о селении, где мужьями женщин были собаки [23, р. 201–202].

Тексты такого рода занимают промежуточное положение, с одной стороны, между мифами и мифологическими сказками, где причастность, контакт с объектом животного мира рассматривается как положительный фактор, что было связано с тотемическими верованиями и их отголосками, и, с другой стороны, с классической волшебной сказкой, где животная природа супруги, воспринимаемая как положительный фактор, влечет за собой чудесные возможности для героя, дары, помощь в выполнении трудных задач.

У сомалийцев в одной из историй действует гиена-оборотень, которая учила человека своему языку и подарила палочку, с помощью которой можно превратиться в животное. Она взяла с него обещание ни о чем не рассказывать, но ночью человек услышал, как гиены договаривались проникнуть внутрь селения и предупредил людей об опасности. Люди напали на гиен и всех, включая оборотня, убили. Для человека нарушение обещания обернулось гибелью: в пустыне он наступил на острую кость гиены, нога распухла, и он умер [31, р. 197–198].

Почитание животных (зоолатрия) в Африке было распространено шире и сохранилось гораздо лучше тотемических представлений. Животные – культурные герои, добывшие для людей огонь или научившие их земледелию, – сюжет, достаточно частый. В большинстве случаев люди получили огонь благодаря собаке, которая принесла его на своем горящем хвосте [32, с. 44].

В мифах удук, живущих на границе Судана, Кении и Эфиопии, роль африканского Прометея выполнил лис. Причем он не только принес людям огонь, но и научил их разговаривать [1, р. 16]. В мифах меэн и баскето (Эфиопия) крыса полезла по паутине на небо, наелась там зерна, а, когда стала спускаться, паутина лопнула, крыса упала и разбилась, зерно рассыпалось. Люди собрали его, посеяли и получили первый урожай. В другом варианте баскетского мифа действует не крыса, а паук [8, р. 224, 413].

Не менее часто животные в африканских мифах и сказках выполняют отрицательную функцию, приводя в этот мир смерть или перекрывая людям доступ на небеса. Например, мади рассказывают, что гиена перекусила лиану, по которой люди спустились с небес [1, 200–201].

В мифах бонго (Судан) верховный творец Нзама послал козу и собаку сказать, что люди не будут умирать; коза по дороге остановилась пощипать траву, а собака сказала людям, что люди должны умирать навсегда, а луна – возрождаться [5, р. 13]. У сандаве в похожем мифе действуют овца и собака; именно собака просит творца сделать людей смертными и даже рассыпает на дороге соль, чтобы овца замешкалась и опоздала [33, s. 156–157]. А вот у нанди люди сами виноваты в своей смертности, так как не выполнили условий, поставленных собакой: не дали ей молока и пива из той посуды, из которой пьют сами, а налили напитки на скамеечку [17, р. 98].

В смертности людей нередко оказывается виновата жаба. Например, в мифах занде тела умерших человека и месяца лежали рядом с могилой; было решено, что если удастся перенести их через могилу, то они оживут. Лягушке, которая несла месяц, это удалось; а жаба с человеком упала – с тех пор люди умирают, а луна возрождается [1, р. 145]. А вот у пигмеев эфе виновницей оказалась лягушка: жабе было поручено хранить сосуд со смертью, но та передала его лягушке, которая, прыгая, уронила его. Сосуд разбился, и смерть вырвалась в мир людей [5, р. 15].

Удук верят, что когда-то месяц плюнул на землю и приказал ящерице съесть его плевок. Она отказалась, и месяц ее проклял: ни она, ни люди не смогут возродиться после смерти, а если бы ящерица послушалась, то люди бы возрождались, подобно месяцу [1, р. 16].

В мифах ньяманг (Судан) виновником оказался кролик, который в начале отравил человека ядовитыми кореньями, а потом, опередив бога, который хотел утром воскресить человека, велел людям закопать умершего. Бог разгневался, что люди поверили кролику, и сделал их смертными [1, р. 5–6].

В районах, населенных племенами банту, хамелеон ассоциируется с приходом в этот мир смерти. Сюжет таких историй, как правило, следующий: Бог послал к людям хамелеона и еще одно животное (обычно ящерицу или зайца). Первому дал поручение сказать, что люди однажды умрут, но вернуться к жизни, а второму – сообщить людям, что они умрут и никогда не возродятся. Хамелеон в сказках по разным причинам опаздывает. В итоге на земле воцаряется смерть. С тех пор африканцы ненавидят хамелеона, ловят его и, бросая табак в его шипящий рот, поют: «Почему ты опоздал, о! Почему ты опоздал; если бы ты не мешкал так долго, мы бы не умирали» [32, с. 45].

Джолуо рассказывают, что творец пообещал остановить смерть, если ему принесут жертву из чистого жира. Люди приготовили жир и послали с ним хамелеона, но он его уронил и принес грязным. В итоге творец разгневался и оставил смерть на земле [34, р. 153–154]. В мифах ачолы смерть также связывают с хамелеоном. Правда, вариантов соответствующего мифа несколько. В одном – люди наказаны смертностью за то, что разбили трубку, которую творец Лубанга подарил хамелеонше; в другом – хамелеон сам разбивает трубку, одолженную ему месяцем; в третьем – трубку разбил паук; в четвертом – дочь месяца в ходе игры с хамелеоншей, но именно из-за разбитой трубки люди потеряли бессмертие [5, р. 16–17]. Возможно, хамелеон часто фигурирует в подобных мифах, поскольку попадает в категорию «животных-духов», которые считаются воплощением душ усопших.

В мифе луйя (Кения) хамелеон забрался в кружку с пивом и велел человеку выпить. Тот отказался, так как считал пресмыкающееся ядовитым. Хамелеон, обидевшись, сделал людей смертными, а вот змея пиво выпила и теперь, состарившись, возрождается, меняя кожу [25; 36]. История о смертности людей соседствует с мотивами сброшенной кожи и невыполненного обещания.

О бессмертии змей повествуется в мифах консо (Эфиопия): бог велел человеку и змее

бежать наперегонки; человек задержался, чтобы выкурить трубку, – бессмертие досталось змеям [27, р. 498]. Сходные сюжеты есть у гуджи (Кения) и дараса: во время состязаний в беге человек останавливается поболтать с женщиной и отстает от змеи [5, р. 16]. А вот в мифах меэн сама змея остановилась, чтобы поесть ягод, и соревнования выиграла черепаха – в итоге все люди стали смертными [8, р. 413–414].

Тсамаи рассказывают, что бог призвал к себе змею и человека и спросил, что они хотят. Змея пожелала быть как желтый плод боло, а человек – как ком земли. Плод боло плавал в воде, а ком земли утонул; поэтому люди смертны, а змеи нет. Если змею убить и зарыть, она раздуется и через 4 дня выползет живой; чтобы убить змею, ее нужно разрубить на куски [8, р. 380]. Похожий миф есть у ари (убамер): лягушка посваталась к девушке, но та ее отвергла. Лягушка кинула в воду желтый плод и ком земли; плод всплыл, а ком утонул, и лягушка попросила бога сделать людей смертными, как ком земли, а лягушек бессмертными – если лягушку убить и бросить в воду, она воскреснет [8, р. 183].

Существует поверье, что в исключительных случаях от смерти можно излечиться. У чага легенда рассказывает о гигантской улитке, которая могла оживить мертвого человека: ей надо было лишь переползти через тело, оставив на нем свою слизь. После того как люди узнали об этой чудесной способности улитки, они стали относить тела умерших соплеменников в лес и оставлять их там, чтобы улитка сделала свое дело. Но вождь враждебного племени, которого приводило в изумление неумещающееся количество воинов противника, узнал секрет от некой женщины, послал людей в лес, повелев им поймать улитку и забить ее копьями [20].

Таким образом, одни и те же животные в восточноафриканской мифологии могут выступать как творец-демиург, как культурный герой и как трикстер. По мере расширения арабского влияния в африканском фольклоре чаще стали встречаться мусульманские предания и заимствованные сюжеты. В то же время, расселяясь за пределы континента, африканцы приносили на новые земли свой фольклор. Сказочные персонажи трансформировались и завоевывали популярность. Так хитрый заяц в Америке превратился в Братца Кролика. Гиена является практически полным анало-

гом Братца Лиса, обладая и некоторыми чертами Братца Волка. Гиена столь же хитра, как и груба, она заводит дружбу с зайцем и извлекает пользу из его добродушия, но, как только у него появляются подозрения, дружбе приходит конец [20].

Многие обычаи и традиции со временем полностью или частично утратили свое сакральное значение и сохранились лишь в формальном виде. Большинство аспектов традиционных верований и ритуалов, не востребованных современной жизнью, отмирают и замещаются элементами ислама. Однако почитание животных не ослабевает. Без животных невозможно представить африканскую культуру и религию. Ни один обряд, ритуал, праздник не обходится без животных. У многих африканских народов существуют тайные союзы, которые обычно называются именами животных-тотемов: леопардов, крокодилов и других. Их церемонии состоят из маскарадов, пересказов мифов и сказок, жертвоприношений. Например, у аква (Республика Конго) существуют два тайных общества – «Анзимба» и «Люди-крокодилы», которые нередко сами представляются жителями двух миров – мира людей и мира потустороннего [35, с. 89].

Животные остаются главными объектами африканского искусства. Классическим примером является живопись тингатинга, которая появилась в Танзании в 60-х гг. XX в. и получила название по имени основателя направления Эдуардо Саиди Тингатинга. Яркие, необычные картины стали пользоваться популярностью. За время существования школы тингатинга внутри нее сформировалось несколько стилей: ставшие классическими изображения животных и птиц, сложные многофигурные композиции из повседневной жизни людей, часто изображаемые в виде своеобразного «рассказа-комикса», сюжеты традиционной мифологии, библейские мотивы. Искусство тингатинга получило известность и признание в мире и воплотилось в мультсериал «Страна африканских мифов», популярный во всем мире [36].

Животные остаются главными героями мифов, в которых объясняются их отдельные признаки, рассказывается о мифологическом времени, когда люди были животными. Африканские сказки, воплощенные в книгах, картинах, видео, позволяют глубже проникнуть в самобытные представления африканцев об окружающей среде и животных, ее населяющих.

Ссылки

1. Scheub H. A Dictionary of African Mythology. The Mythmaker as Storyteller. Oxford: Oxford University Press, 2000. 368 p.
2. Andersson E. Contribution à l'Ethnographie des Kuta II. Studia ethnographica upsaliensia. P., 1974. 212 p.
3. Latham R. G. Descriptive Ethnology. L.: John van Voorst, 1859. 506 p.
4. Loewenstein J. Rainbow and Serpent // Anthropos. 1961. № 56 (1–2). P. 31–40.
5. Abrahamsson H. The Origin of Death. Studies in African Mythology. Uppsala: Theological Faculty of the University of Uppsala, 1951. 179 p.
6. Татаровская И. Г. Образ вселенной в африканской мифологии // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2007. Т. 10, № 3. С. 458–463.
7. Daigre R. Les Bandas de l'Oubangui-Chari (Afrique Equatoriale Française) // Anthropos. 1931. № 26 (5–6). P. 647–695.
8. Jensen A. E. Altvölker Süd-Äthiopiens. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1959. 455 s.
9. Arewa E. O. A Classification of the Folktales of the Northern East African Cattle Area by Types: Ph.D. dissertation in anthropology. Berkeley: University of California, 1961. 298 p.
10. Reinisch L. Texte der Bilin-Sprache. Leipzig: Th. Grieben's Verlag. 1883. № 1. 322 s.
11. Сказки народов Африки / сост.: А. А. Жуков, Е. С. Котляр. М.: Наука, 1976. 687 с.
12. Retel-Laurentin A. Contes du Pays Nzakara (Centralafrique). Paris: Éditions Karthala, 1986. 310 p.
13. Littmann E. Publications of the Princeton Expedition to Abyssinia. Vol. 2: Tales, Customs, Names and Dirges of the Tigre Tribes. English translation. Leiden: E. J. Brill, 1910. 344 p.
14. Капчиц Г. Л. Сомалийские народные сказки. М., 1997. 159 с.
15. Анпеткова-Шарова Г. Г. Сказки народов Африки. СПб: СПГУ, 2010. 516 с.
16. Канцельсон И. С. Сказки народов Судана. М.: Художественная литература, 1968. 344 с.
17. Hollis A. S. The Nandi. Their Language and Folklore. Oxford: Clarendon Press, 1909. 328 p.
18. Коль-Ларсен Л. Волшебный рог. Мифы, сказки и легенды бушменов хадзапи. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 156 с.
19. Wright M. J. Lango folk-tales – an analysis // The Uganda Journal. 1960. № 24 (1). P. 99–113.

20. Вернер Э. Мифы народов Африки / пер. с англ. Т. Е. Любовской. М.: Центрполиграф, 2007. URL: <https://religion.wikireading.ru/83597> (дата обращения: 20.01.2017).
21. Parrinder G. African Mythology. London: Paul Hamlyn, 1967. 141 p.
22. Котляр Е. С. Указатель африканских мифологических сюжетов и мотивов. М.: Восточная литература, 2009. 299 с.
23. Westermann D. The Shilluk People, Their Language and Folklore. Philadelphia: Board of Foreign Missions of the United Presbyterian Church of N. A., 1912. 312 p.
24. Татаровская И. Г. Мир животных в мифологическом сознании народов Тропической и Южной Африки // Вестник МГТУ. 2013. Т. 16. № 2. С. 383–388.
25. Березкин Ю. Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб., 2013. 320 с.
26. Kipury N. Oral Literatury of the Maasai. Nairobi; Lusaka; Ibadan; London, 1983. 233 p.
27. Jensen A. E. Im Lande des Gada. Wanderungen zwischen Volkstrümmern Südbessiniens. Stuttgart: Verlag Strecher und Schröder, 1936. 608 s.
28. Knappert J. Lexikon der Afrikanischen Mythologie. Mythen, Sagen und Legenden von A – Z. Weyarn: Seehamer Verlag, 1997. 368 s.
29. Ruelland S., Caprille J.-P. Contes et Récits du Tchad. Paris: Conseil international de la langue française, 1993. 123 p.
30. K'Okiri L. G. So They Say. Luo Folktales. Nairobi; Dar Es Salam; Kampala: East Africa Literature Bureau, 1970. 164 p.
31. Hanghe A. A. Folktales from Somalia. Collected and translated by Ahmed Artan Hanghe. Uppsala: Somali Academy of Sciences and Arts, Scandinavian Institute of African Studies, 1988. 209 p.
32. Котляр Е. С. Миф и сказка Африки. М., 1975. 245 с.
33. Arnold R. Vom gestohlenen Perlhuhn. Märchen aus Tanzania. Leipzig; Weimar: Müller & Kiepenheuer, 1984. 238 s.
34. Belcher S. African Myths of Origin. Stories selected and retold by Stephen Belcher. L., 2005. 509 p.
35. Татаровская И. Г. Теория и практика общественного развития. Краснодар: Хорс, 2008. № 2. С. 88–97.
36. Страна африканских мифов. URL: <http://multik-online.net/tinga-tinga-strana-afrikanskix-mifov-tinga-tinga-tales> (дата обращения: 20.01.2017).